

Фрагмент из романа

Jutta Richter
Das Schiff im Baum. Ein Sommerabenteuer

Carl Hanser Verlag, München 2012
ISBN 978-3-446-24018-6

C. 13-26
C 8 лет

Jutta Richter
Корабль на дереве. Летнее приключение

Перевод Святослава Городецкого

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой нам не очень-то хочется в Бетенбюттель

Там не было ничего... мы с Оле сразу поняли, что нас ждет самое скучное лето в жизни.

– Вам понравится, – уверяла мама. – Тетя Полли будет так рада, а дядя Фите очень мил, и у них есть собака, кошка и курочки, а потом вы же не навсегда едете! Мне тоже надо побыть одной!

Мама выпалила эту тираду чрезвычайно быстро, все время повышая голос – последнее предложение она едва ли не прокричала, слезы навернулись у нее на глазах и медленно покатались по щекам, она вытирала их тыльной стороной ладони.

Но мама ничего не понимала.

Три недели – это же вечность.

Три недели – это все равно, что навсегда.

Три недели – это всё лето.

Пришла пора собираться.

– А компьютер там есть? – поинтересовался Оле.

– Наверняка, – обнадежила мама.

Оле взял свои любимые компьютерные игры.

– А DVD-плеер? – спросила я.

– Наверняка, – ответила мама.

Я взяла экранизации сказок.

– А бассейн? – спросил Оле.

– Наверняка, – повторила мама.

Оле достал из подвального чулана трубку, ласты и огромного надувного крокодила.

Мы побросали всё это в сумку вперемешку с чистым, пахнущим домом бельем, и мама пристегнула ремень.

– Только не надо делать такое лицо, – сказала она. – Вот увидите, в Бетенбюттеле просто чудесно. Меня тоже всегда туда отвозили.

На улице отчаянно гудели машины, скрипел, заворачивая за угол, трамвай, и мне вдруг вспомнилась Майка с покрытыми розовым лаком ногтями ног. Майка, болтающая ногами в озере Лаго Маджоре. И звучно произносившая его название: «Лааго Мадшиооре, Лааго Мадшиооре, Лааго Мадшиооре».

– А вы куда собираетесь на каникулах, Катарина? – спросила госпожа Бунтшу.

– Они собираются на балкон, – засмеялась Майка. – Они всегда там отдыхают.

– Заткнись! – прошипела я.

– Мы с братом собираемся в Бетенбюттель¹, госпожа Бунтшу!

И прежде чем госпожа Бунтшу успела вопросительно поднять правую бровь, класс уже взорвался.

– Бетенбюттель! Вы слышали? Бетенбюттель! – Майка тряслась от смеха.

– Бетенбюттель! Теперь ясно, откуда ты взялась! – Мартин Нидекер хлопнул себя по колену.

– То есть как это: БЕТЕНБЮТТЕЛЬ?!

Даже тихий Деннис Шустер расплылся в улыбке.

– Только не надо делать такое лицо! – сказала мама. – Вот увидите, в Бетенбюттеле просто чудесно. Меня тоже всегда туда отвозили.

¹ Название образовано от двух немецких слов: «beten» («молиться») и Büttel («слуга», «прислужник»).

В городе пахло летом, свежим дёгтем, вафлями, пиццей и бензином. Ворковали голуби, порхали над крышами стрижи, а сквозь открытые окна машин басами гремели автомагнитолы.

Как только мама утром тихонько закрыла за собой дверь, мы с Оле тут же повскакивали с постелей. Сделали себе овсяных хлопьев с сахаром, водой и какао, и пулей вылетели на улицу.

Мы знали все компьютерные отделы торговых центров, знали новые игры и всегда первыми подходили к джойстикам. У нас начались каникулы, а в каникулы не было ничего лучше джойстиков. Мы знали все уловки, знали, когда появиться, где можно подольше поиграть, чтобы тебя не выгнали. Когда мама вечером поинтересовалась, не пришлось ли нам скучать, мы ухмыльнулись и замотали головами.

Нет, в Бетенбюттель мы не хотели.

– Зачем тебе в санаторий? – не понимал Оле, и мамино лицо приняло серьезное выражение.

Ей нужна передышка, врач прописал ей лечение, и нам надо это понимать.

– Только не надо делать такое лицо! – сказала мама. – Вот увидите, в Бетенбюттеле просто чудесно. Меня тоже всегда туда отвозили.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

в которой дядя Фите собирается в дальнее странствие

По всей кухне разливался аромат клубничного варенья. Тетя Полли стояла у плиты с огненно-красным лицом. На лбу у нее блестели капельки пота. Мытые банки для варенья стояли рядом на чистом полотенце.

– Она тоже все время к нам ездила, Фите!

– То было тридцать лет назад!

– Что?! Только не задирай нос!

– Тогда мы были на тридцать лет моложе, Полли!

– Да ладно, перестань прикидываться дряхлым стариком!

– Но мне нужен покой!

– Ты их даже не увидишь. Они целыми днями будут играть на улице!

– И всё разнесут! Вытопчут клумбы, изведут собаку, замучат кошек, переполошат кур! Помяни мои слова, Полли!

– Полнейшая чепуха! Это милые детки, а немного жизни нашему дому не повредит. Они же не навсегда! А теперь, Фите Феддерсен, давай-ка соберись, и не надо делать такое лицо!

Тётя Полли протянула ему деревянную ложку.

– Попробуй!

Дядя Фите слизнул варенье с ложки.

– С ними не будет ни минуты покоя.

Он пробормотал это тихо, чтобы тетя Полли его не слышала.

– Ты уже выгуливал собаку?

Дядя Фите покачал головой.

– Так в чем же дело? – воскликнула тетя Полли. – Животному необходимо движение.

Дядя Фите снял с крючка кепку и безмолвно покинул кухню.

На улице солнце пробивалось сквозь густую листву мощного грецкого ореха, стоявшего часовым у небольшого домика с камышовой крышей. Над крышей, оглашая округу громким криком, реяли ласточки. Дядя Фите медленно поплелся по вымощенной плиткой тропинке к буковой изгороди, посреди которой располагалась маленькая белая калитка, отделявшая участок от остального мира. Там в тени, под кустом сирени, подрёмывая лежал старый лохматый белый пёс.

– Вставай, Пятница, – проговорил дядя Фите. – Женщина хочет, чтобы мы прогулялись.

Пёс лениво вильнул кончиком хвоста, раскрыл пасть и протяжно зевнул.

– Вставай-вставай! Она за нами подглядывает! Если ты залежишься, не миновать нам трёпки!

Тихо скрипнула открывающаяся калитка. Пёс неохотно поднялся, потянулся то в одну, то в другую сторону, а потом, поджав хвост, засеменил за дядей Фите.

По краям узкой дороги, соединявшей Бетенбюттель и Гросведау, росли яблони. Дорога шла прямо, мимо зарослей кукурузы и овса, отделенных друг от друга высокими изгородями. Все яблони покосились в одну сторону, словно собираясь нырнуть в кукурузное поле.

Все они были хорошо знакомы дяде Фите. Сажая их, он привязывал каждую к отдельному колышку, только вот ветер, тогда так сильно задувал ветер, что деревья всё равно наклонились и выросли криво, хотя Фите Феддерсен не раз натягивал веревку потуже.

– Сдавайся, Фите! С нашим ветром тебе не сладить! – говорила ему тётя Полли. – Да и потом так легче собирать яблоки. Или ты и в девяносто на стремянку полезешь?

– Учись, Пятница, коли женщина режет правду-матку, стало быть, она права, – бормотал дядя Фите. – А вот насчет приезда детей она ошибается! Это уж как пить дать. Не видать нам тогда с тобой, Пятница, покоя! И в дальнее странствие нас тоже не отпустят. Детей ведь нельзя оставить одних! У детей на уме одни глупости. Помяни мои слова, Пятница! Женщина даже не знает, во что ввязывается. Это на нее очень похоже. Всегда переоценивает свои силы. Хоть ей и говорят: «Не надо, Полли, у нас уже не тот возраст». Но где там! Она стоит на своем. Так оно всегда было, Пятница, так было всегда!

Автобусная остановка стояла ровнее яблонь. Ее сколотили из старых досок и поставили внутрь скамейку. Желтый кружок с зеленым ободком² сверкал на солнце.

– Так-то, Пятница! – проговорил дядя Фите. – Вот он тенёк. А когда приедет автобус, мы отправимся в дальнее странствие. Мы с тобой. Как раньше! По просторам морей, Пятница! Ты же лучший в мире судовой пёс! Вот удивится наша женщина! Пусть сама возится с детьми. Нас, Пятница, рядом не будет!

Пёс по прозвищу Пятница почесался и свернулся калачиком под скамейкой. Дядя Фите покряхтывая сел на скамью, закрыл глаза и погрузился в ожидание...

² В Германии автобусные остановки обозначаются желтым кружком с зеленым ободком, внутри которого зеленая буква «Н» (от нем. «Haltestelle», «остановка»).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой после долгого путешествия мы вынуждены готовиться к худшему

Мама взяла машину напрокат. Красная машина пахла, как новая, и звучно гремела динамиками.

Мы сидели сзади. Нас разделяла коробка с бутербродами, бутылками воды и печеньем. Собирая ее, мама смеялась и напевала песни – я уже давно не видела ее в таком радостном настроении.

– Отправляясь в дорогу, полезно позаботиться о провианте, дорогие мои!

– Кажется, она рада, что избавляется от нас! – прошептал Оле.

– Я всё слышу! – пропела мама. – И это неправда! Я радуюсь за вас!

– Хоть кто-то радуется!

– Ворчунишка! – засмеялась мама.

Солнце как назло жарило напропалую, и хотелось спокойно провести день в прохладе торгового центра у игровой приставки. В такие дни в отделах компьютерных игр не было ни души. Продавщицы дремали у касс и дожидались окончания дня. Но мы-то уезжали из города – в Бетенбюттель! Динамики не смолкали ни на минуту, а мама барабанила по рулю в такт музыке.

– А в бетенбюттельском бассейне есть горки? – громко спросил Оле.

– Наверняка, – так же громко ответила мама, не поворачивая головы.

– Как только приедем, я сразу в бассейн! – заявил Оле.

Я взяла печенье.

– Вот увидите, – громко сказала мама. – Там чудесно!

В зеркальце заднего вида я поймала мамино лицо, над переносицей изогнулась глубокая складка. Когда у мамы появлялась

© 2013 Litrix.de

эта складка, что-то явно было не так. Но говорить я об этом не стала, чтобы Оле не испугался. Когда Оле пугается, то начинает канючить, а когда Оле канючит, он невыносим.

Прислонившись к гудящему оконному стеклу, я принялась считать проезжавшие мимо машины. Наверное, я заснула, потому что, снова открыв глаза, обнаружила, что Оле лежит на мне и тихо посапывает. Я постаралась снова уловить в зеркальце мамин взгляд, но она надела большие темные очки, а складка над переносицей стала еще глубже.

За лобовым стеклом всё плавилось от жары, и когда я закрывала глаза, мне грезилось, что асфальт сейчас растает.

Перед нами не было ни одной машины. Я огляделась вокруг и посмотрела назад. Ничего: ни легковых машин, ни грузовиков, ни мотоциклов, совсем никого. Справа от шоссе мелькали луга и желтые пшеничные поля. Несколько коров собралось у невысокого дерева. Не было ни города, ни домов, ни церковных башен. Ничего, кроме бесконечной равнины, дремлющей в полуденном зное.

Оле тоже проснулся. И тоже приник к боковому окну.

– Пустота какая! – сказала я, и тут Оле начал канючить.

– Мам, а нам еще далеко?

Мама вздрогнула и убавила громкость.

– Что ты сказал, мое сокровище?

– Далеко ли еще?

– Нет, мой милый, мы скоро приедем.

– Мам, я больше не могу сидеть!

– Нам совсем немного осталось.

– Мама, мне жарко!

– Попей водички.

– Мам, вода тоже теплая!

Мама включила поворотник и свернула с шоссе.

– Мам, мне не хватает места. Эта Катарина тут так разлеглась.

Я локтем пихнула Оле в бок.

– Мама, Катарина дерётся!

Мама снова сделала погромче.

У края дороги лежал сбитый заяц. Две вороны отлетели от него, когда мы подъехали ближе.

– Что это они там делают? – спросил Оле.

– Не видишь, что ли? Едят зайчатину! – ответила я.

– Мама, Катарина рассказывает страшные вещи! – заверещал Оле.

Навстречу нам по-прежнему не проехало ни одной машины. Быть может, тут была радиоактивная зона, и въезд сюда запретили, а мама, пока мы спали, просмотрела соответствующие предупредительные знаки с черепом и скрещенными костями. Я как раз подумывала поделиться этими мыслями с Оле, когда на горизонте показался трактор.

Проехав мимо нас, пожилой фермер всё время оглядывался в нашу сторону, и мы с Оле ждали, что трактор въедет в канаву.

– Скоро начнется Яблонево шоссе! – крикнула мама. – Оно идет от Бетенбюттеля до Гросведау. Прямое, как стрела! Раньше я вечно гоняла по нему, когда тётя Полли забывала в магазине сахар. Яблони сажал наш дядя Фите!

Название Гросведау звучало многообещающе³. Наверное, здесь все-таки жили люди. Мы с Оле вытянули шеи. Смотрели в лобовое стекло.

В самом деле, впереди стояла церковная башня. Долгое время казалось, что она стоит прямо посреди дороги, и я думала, нам придется проехать сквозь нее на нашей красной машине, но потом за дорожным указателем с названием городка дорога повернула в сторону. Рядом с дорожным указателем торчал еще один, деревянный.

³ В названии Гросведау скрыто прилагательное «groß» («большой», «великий»).

«Здравштвуйте, здравштвуйте⁴! Добро пожаловать в Гросведау!» – прочли мы с Оле.

⁴ В оригинале приветствие на северонемецком диалекте.
© 2013 Litrix.de